

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

И. Ф. СИМОНЕНКО

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ

(По материалам экспедиций 1945—1947 гг.)

Быт украинского населения Закарпатской области интересен многочисленными архаизмами, давно уже исчезнувшими у других восточно-славянских народов. Эта область оказалась в таких исторических условиях, которые помогли ее населению сохранить очень древние элементы и духовной и материальной культуры. Здесь сохранился обряд похорон на саях (почти со всеми деталями), а также древнейший обряд различных игрищ при похоронах. До последних лет в Закарпатье можно было еще встретить архаичное подсечно-огневое мотыжное земледелие. Древние пережитки в технике постройки жилища, в архитектурном его оформлении и т. д. встречаются повсеместно, особенно в селах горных районов.

До 1945 г. советские ученые не имели возможности детально заниматься изучением Закарпатья, столь важного и интересного района среди обширных славянских территорий; они пользовались только скудными заметками или сообщениями, появлявшимися в зарубежной печати. После воссоединения Закарпатья с УССР условия коренным образом изменились. Институт этнографии Академии Наук СССР и Институт искусствоведения, фольклора и этнографии Академии Наук УССР летом 1945 г. организовали рекогносцировочную поездку, а в декабре 1945 — январе 1946 г. провели первую совместную этнографически-фольклорную экспедицию в Закарпатье, собравшую ценный материал по циклу рождественских обрядов. Затем Институтом этнографии АН СССР был составлен план, предусматривавший дальнейшую работу экспедиции по изучению материальной и духовной культуры населения Закарпатья в 1946—1948 гг. В соответствии с этим планом, летом 1946 г. в Закарпатской области работали три отряда Института: этнографический, антропологический и фольклорный, а в течение четырех месяцев 1947 г. работали только этнографы. Как в первых двух поездках, так и в работе этнографического отряда в 1946 и 1947 гг. автор принимал активное участие, собрал материал по разнообразным вопросам материальной и духовной культуры, легший в основу данной статьи.

Закарпатская область расположена на южных склонах Восточных Карпат и занимает территорию в 12,8 тыс. квадратных километров, вытянутую в узкую полосу с запада на восток. Вследствие этого

Закарпатье является преимущественно горной областью, и только южная часть ее (Закарпатская низина) примыкает к Большой Венгерской низменности, отделяясь от нее р. Тисой с юга и р. Уж с юго-запада. Значительная часть области покрыта буковыми, еловыми и пихтовыми лесами. Область делится на четыре вертикальные растительные зоны: 1) зона степной растительности Закарпатской низины; здесь в сельском хозяйстве преобладают пшеница, кукуруза, подсолнух; лес почти отсутствует, зато успешно разводят фруктовые сады (яблони, сливы); 2) зона южноевропейской растительности, где из культурных растений преобладают виноград, тутовое дерево, смоковница, орех и благородный каштан; 3) зона средневропейской растительности, в которой на высоте до 1300 м преобладают бук и дуб, а выше — пихта, ель и кедр (последний встречается реже); 4) зона альпийской растительности — высокогорных лугов, расположенных на гребнях и вершинах гор и служащих местом летнего выпаса овец и рогатого скота, главным образом молодняка.

Население области по переписи 1930 г. составляло 725 тыс., в 1936 г. около 798 тыс. По национальному составу подавляющее большинство — украинцы. Венгры и румыны, проживающие на территории Закарпатской области, составляют около 10—12% ее населения. Те и другие сосредоточены в южной части Закарпатья, примыкающей к основным этническим массивам румын и венгров, но не имеют территории, где они преобладают. Основное занятие населения составляют земледелие и скотоводство. Закарпатье является областью мелкого крестьянского хозяйства. Колхозы стали возникать только в 1946 г. (первые колхозы — в с. Середнем и Русском Поле). В горах преобладает скотоводство, а как подсобные занятия — лесоразработки и земледелие; в низменности — земледелие, садоводство, виноградарство и скотоводство. Главными культурами почти повсеместно являются кукуруза и картофель. В горных районах рожь, пшеницу и овес сеют в ничтожных количествах из-за отсутствия пригодной для посева земли, на равнине же эти культуры преобладают. Обработка земли в горных районах довольно примитивна, применяется двух- и трехпольная система. В некоторых горных селах сохранилось еще подсечно-огневое мотыжное земледелие, например в с. Люта. Здесь, при двухпольной системе обработки большое место занимает «пасіка»¹. Осенью, после полевых работ рубят лес. В течение зимы он сохнет, а весной его сжигают. После пожара на этом участке высевают рожь. Когда зерно разбросано, берут мотыгу и взрыхляют землю. Тем дело кончается, и до уборки никакой работы не производится. Прежде, уже на второй год этот участок забрасывался и обрабатывался новый. В последние 3—4 года стали делать так: убирают рожь, выкапывают пни («эртують»), возят навоз, затем пахут, а чаще взрыхляют землю мотыгой и сажают картофель. После картофеля данный участок включается в общий двухпольный севооборот или, реже, забрасывается совсем, хотя раньше он покидался лишь на длительное время, пока на нем не появится лесная заросль. Сельскохозяйственный инвентарь в горных районах весьма ограничен. Почти повсеместно в употреблении так называемый «деревянный» плуг, у которого лемеш, чересло и «пблыця» железные. Такого типа плуг в наше время бытует в Сербии, встречается в Хорватии, затем в Македонии и юго-западной Болгарии. Бороны в ряде мест вовсе не применяются, а там, где она

¹ Термины, упоминаемые в тексте, не общезакарпатские; они даются по каждому пункту или району, о котором идет речь в тексте. Поэтому одно понятие может иметь много терминов, например: турнац, ганок, присінок, пітварь и т. д.

имеется, состоит из деревянной рамы и железных зубьев. Повсюду употребляются мотыга, серп и коса. Последняя применяется в основном для покоса травы на сено. Для обмолота зерновых в большинстве горных сел применяется «цїп». В южном районе (в Закарпатской низине) культура земледелия находится на довольно высоком уровне. Здесь применяются железные плуг и борона, сеялка, косилка, молотилка конной и механической тяги, различные культиваторы и т. п., преобладает многополье. Из сельскохозяйственных культур в этом районе преобладают пшеница, рожь, ячмень, кукуруза и подсолнух.

При изучении обычаев, связанных с земледелием, нами подмечена характерная особенность. Почти во всей области неизвестен обряд «дожинок» и только в селе Люта, где сохранилось подсечно-огневое мотыжное земледелие, совершается этот обряд. Из последнего снопа, который называют «королем», плетут венки (почти из одних колосьев). Затем один из них надевают на голову девушки и идут домой. Газда (хозяин) идет сзади и несет косу, к которой привязано два колоска. Придя домой, газда покупает «пáленку» (водку), а женщины готовят пищу. Затем все угощаются. Венки снимают с головы девушки и кладут на «полицию», где он «лежить аж доки другий не прийде». У некоторых домохозяев села Люта сохранилось по 10—15 таких венков.

В горной зоне занимаются скотоводством, преобладают овцы и, в меньшей мере, рогатый скот. Лошадей разводят мало. Овцеводческое хозяйство стоит на очень низком уровне; в организации летних выпасов, в распределении молока, в приготовлении сыра и т. п. имеется много архаичных элементов. В целях более детального изучения овцеводческого хозяйства я посетил несколько «полонин» (летних пастбищ овец), в том числе и «полонину» «Мужанка», наиболее близкую к селу Трибушаны. На пастбище в это время находилось стадо овец (более 250 голов). За стадом смотрели четыре пастуха, из которых один старший (профессионал) и один подпасок. Пастухи работали за плату 3200 рублей каждому за весь сезон. На обязанности пастухов лежит не только выпас; они доят овец, распределяют молоко и отвечают за полную сохранность овец. Злейшими врагами овцеводства являются волки, изобилующие в этом районе; во время нашего пребывания на «Мужанке» волки задрали одну овцу. «Кошара» для загона овец на ночь и «колиба» для пастухов расположены в густом еловом лесу на западном склоне вершины горы, в тенистом месте, наиболее защищенном от ветра.

Овец доит не их собственник, а старший пастух; молоко от всего овечьего стада идет в общий котел и распределяется так: в первый же день выгона овец на пастбище старший пастух доит овец, измеряет общий удой овец каждого скотовладельца и затем определяет, сколько этот хозяин должен получить молока в течение всего сезона. Например, у крестьянина имеется 10 овец, они дали при пробном удое 2,5 л молока. Следовательно, за 100 дней выпаса они дадут 250 л. Результаты пробного удоя пастух предъявляет выбранным от села представителям, те заносят эти цифры в списки и устанавливают порядок, кто и когда получит свое молоко, а затем списки передают старшему пастуху. Еще 2—3 года назад таких списков не вели, а вместо них делали «раваш» — бирку. На ней вырезывали условное обозначение количества молока, причитающегося тому или другому крестьянину за весь сезон, раскалывали бирку пополам и одну половину вручали пастуху, а другую — собственнику овец. При получении молока последний предъявлял свою часть бирки пастуху; без нее пастух не выдавал молока. Хозяева овец получали молоко не ежедневно, а в установленное для каждого время — 2—5 дней подряд. В течение этого срока каждый получал свое молоко полностью. Очередность устанавливалась так, что пер-

вым получал крестьянин, имевший больше всех овец, за ним тот, у кого меньше, и так до последнего бедняка по убывающей линии. А так как весенний удой всегда богаче и жирнее, то кулак был всегда в выгоде, а бедняк, имевший 3—5—7 овец, иногда оставался совсем без молока, особенно если его очередь последняя. Теперь, когда в Закарпатской области установлена советская власть, беднякам отдается предпочтение, и они получают молоко в числе первых.

Лица, получившие молоко, тут же делают из него сыр — брынзу (двух сортов). Заквасив молоко, они собирают сыр, отжимают его, затем солят. Оставшуюся жидкость сливают в котел и варят «урду» — сыр второго сорта. Для сливания надоенного молока и закваски на сыр пользуются исключительно деревянной посудой различных размеров в форме усеченного конуса. Для варки урды пользуются обычным подвесным железным или чугунным котлом, который тут же висит на «кужбе», чисто вымытый после каждой варки.

Измерение молока производится специальной деревянной посудой: «кубкой» емкостью 0,5 л, «фелью» в 2,5 л (выдолблены из целого куска) и «відром» в 12,5 л (сделано из клепки). Відро вмещает 5 мер «фелі», а «фель» — 5 мер «кубки». Это упрощает сложные операции по подсчету. Например, выдоено 0,5 л, или одна кубка, следовательно, за 100 дней выпаса хозяин должен получить 100 мер «кубки», или 20 «фель» или же 4 «відра». В других селах употребляют «кубай» емкостью 0,25 л и «гелету» в 12 л. В этих же селах (Воловский округ) применяют еще и ныне раваш, но не индивидуальный, описанный выше, а коллективный, на все стадо. Это — четырехгранная палка почти метровой длины. На ней по граням старший пастух делает нарезки, кому и сколько причитается молока за весь сезон. Порядок вырезки на грани точно соответствует очередности получения молока. На приведенном нами образце раваша, сделанного в 1925 г. (рис. 1), можно убедиться в том, что богач получает первым, а бедняк — последним (раваш 1945 или 1946 г. мы получить не смогли, так как, по заявлению старшего пастуха, по ним до сего времени еще не произведены расчеты с пастухом, а раваш 1947 г. — в действии на полонине).

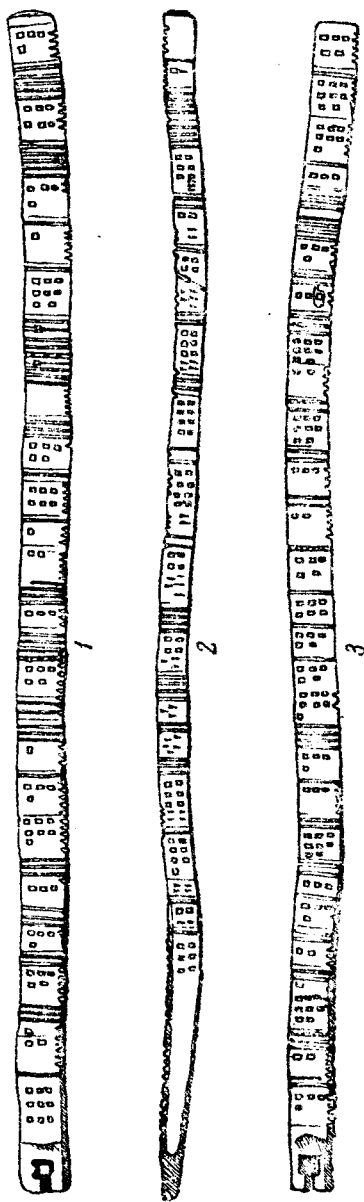

Рис. 1. «Раваш» — четырехгранная бирка, 75 см длины; 1, 2 и 3 грани заполнены вырезами старшего пастуха, которые показывают количество молока, подлежащего выдаче каждому хозяину овец. На рисунке «раваш» читается справа налево. Поперечный вырез по всей плоскости обозначает 100 литров, квадратный вырез на плоскости грани — 10 литров; вырез сбоку грани (на углу) и черточка на плоскости — отметки о выдаче молока

Как правило, находящиеся в стаде овцы имеют метки на ушах. Метки устанавливает каждый хозяин для своих овец; одни и те же метки не повторяются в одном селе, особенно в одном и том же стаде (рис. 2). Приведенную нами в подписи к рисунку 2 терминологию Воловского округа можно считать типичной для всего горного района. Рогатый скот больше держат для того, чтобы иметь «солодкое молоко» и навоз для удобрения тех небольших клочков земли, которые имеются в распоряжении каждого крестьянина в горном районе, ибо без навоза не будет урожая в самый лучший год. Корова в Закарпатье — и «молочница», и «навозница».

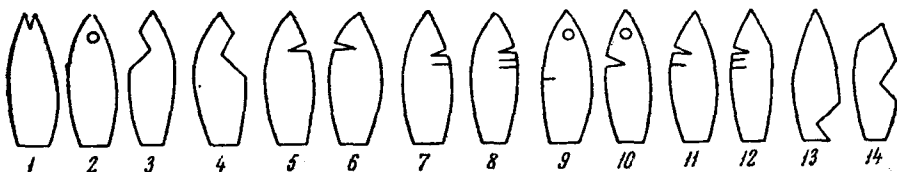

Рис. 2. Метки на ушах овец; 1 — «стрілка», 2 — «острока», 3 — «вишок од заду», 4 — «вишок з переду», 5 — «стрілка збоку з переду», 6 — «стрілка збоку од заду», 7 — «стрілка і раз утято з переду», 8 — «стрілка і два рази утято з переду», 9 — «острока і раз утято од заду», 10 — «острока і стрілка од заду», 11 — «стрілка і раз утято од заду», 12 — «стрілка і два рази утято од заду», 14 — «вишок при корню», 14 — «оттято верхка і вишок з переду».

Метки кладутся на правое или на левое ухо

В окрестностях Ужгорода, Мукачево, Берегово и Виноградovo население занимается выращиванием винограда и приготовлением вина. Однако сбыт вина из-за конкуренции вин соседней токайской долины (Венгрия) был незначительным, и почти половина местного вина потреблялась самими производителями. Вместо виноградных лоз, сокращая площадь под последними, выращивали кукурузу, картофель, пшеницу. После воссоединения области с УССР положение виноделов резко изменилось, и уже первые два года дали некоторое увеличение площадей, занятых под виноградниками. С организацией винодельческих колхозов и с укреплением созданных винодельческих совхозов виноградарство, несомненно, будет расти.

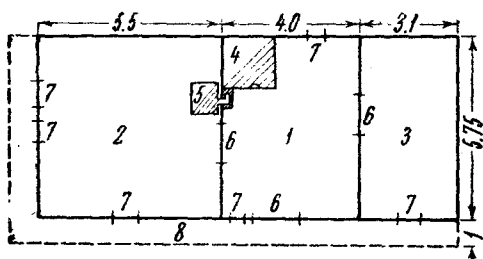
Среди других занятий населения важное место занимали отхожие промыслы. Значительная часть горного населения работает на лесоразработках в горах, и для многих этот заработок является единственным доходом в течение всего времени, особенно для батраков, не имеющих своего хозяйства. На лесные разработки уходят целыми группами, за несколько десятков километров от своего села в горы. Небольшая часть жителей горных сел в летнее время уходила на сельскохозяйственные работы в хлеборобную Венгерскую низменность, где у венгерских фермеров работали за ничтожную плату натурой (пшеницей, ячменем, чаще кукурузой). Больше всего уезжали на заработки в Америку, Францию, Швейцарию и другие страны. До 1941 г. за пределами Закарпатья работало до 300 тыс. чел., из которых более $\frac{2}{3}$ в Америке. После воссоединения Закарпатья с УССР этот вид отхожего промысла отпал, и оставшиеся за рубежом украинцы ожидают оформления документов на возвращение домой. Теперь местное население получило возможность работать на фабриках, заводах и транспорте, что при венграх не разрешалось.

Бондарство развито в пределах местного спроса. В каждом селе имеется один-два человека, которые занимаются выделкой «гелет», «коновок», «відер» и другой деревянной посуды. Однако бондарство является у них дополнением к основному сельскому хозяйству. Точно

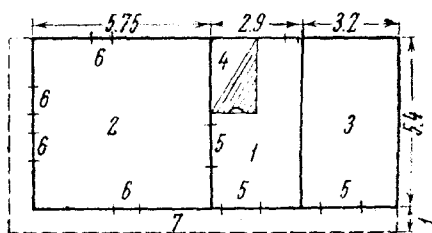
такое же положение занимают и мастера по производству деревянных колес для телег. Несколько иное положение в гончарном промысле. Этим видом промысла занято небольшое число семей (10—15), но зато они занимаются исключительно гончарством. Обусловлено это тем, что глиняная посуда в большом употреблении у населения Закарпатья, а пригодная глина для ее выделки имеется только в двух районах. Нами отмечены два основных типа керамики: хустский и ужгородский. Они близки друг к другу по форме, размерам и технике выделки, но различаются по орнаменту. Вся керамика вырабатывается на простом гончарном круге и обжигается в простейшей гончарной печи. В орнаментации ужгородская керамика носит западное влияние, тогда как хустская близка к орнаментации киевской керамики. По внешней форме, по размерам и технике выделки и ужгородская, и хустская ничем не отличаются от киевской. Сосуд для воды с узким горлышком называют и «корчага» и «пивниця», кувшин для молока — «купанька», «довжан» (довган), «товкан», обыкновенный горшок — «рябун», «рябанка», «горня», «горниця», «горнець» и т. д.

Ж и л и щ е сельского населения Закарпатской области можно характеризовать так: деревянный сруб, поставленный на каменном фундаменте, высотой от 15 до 75 см, а в старинных постройках уложенный прямо на землю. В ряде районов сруб обмозан глиной и выбелен как внутри, так и снаружи. В большинстве горных сел обмазка снаружи либо совсем отсутствует, либо имеется только по пазам, а внутри обмазка чаще только по пазам. В некоторых горных селах (например Люта) имеются хыжи (хижины), где ни внутри, ни снаружи обмазки нет, пазы проконопачены паклей. В районах Берегово, Иршава, Мукачево, Ужгород встречаются жилые и хозяйственные постройки из самана. Крыша повсеместно четырехскатная, реже двухскатная, в большинстве покрыта дранкой («дранница», «шинкли»), реже соломой. В районах долины дранку и соломой заменяет черепица. Четырехскатная крыша имеет довольно значительную высоту (выше стен в два с лишним раза).

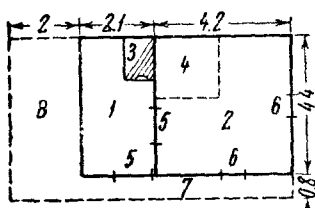
Приведем несколько отдельных описаний. Хыжа гр. С. в селе Худльово построена в 1929 г. у подножья горы. Восточная часть хыжи лежит на материковом основании, а западная, с постепенным наращиванием, — на фундаменте из камня, высотой у фронтона 86 см. Стены сделаны из самана — «вальк^в», который выделяется на месте постройки местными цыганами. Как с наружной, так и с внутренней стороны стены општукатурены и побелены. Толщина стен достигает 60 см, а внутренних перегородок — 30—34 см. Пол глиняный, потолок деревянный, из досок, нашитых внахлест. Крыша четырехскатная, крытая шифером. По планировке дом относится к трехкамерному типу: хыжа + сени + комора, однако сени приспособлены под кухню, для чего сделано два окна и установлена плита — «шпора» с печью для выпечки хлеба. В жилой части установлена переносная печька для обогрева в зимнее время. Снаружи, вдоль фасада и фронтона — ганок (рис. 3, фиг. 1). Хыжа гр. О. из села Верхнее Солотвино построена не более 50 лет назад. Стены деревянные, рубленые, снаружи и внутри обмазаны глиной и побелены. Фундамент каменный, низкий. Пол земляной, потолок из досок, поверх которых со стороны чердака насыпана сухая глина. Крыша четырехскатная, соломенная. В плане трехкамерное помещение: хыжа, сени и комора, которая с сенями не сообщается. Вдоль фасада и фронтона — ганок. В хыже была установлена (из глины на деревянном каркасе) варистая печь с «кошом» и «цівкою» для отвода дыма в сени. После первой мировой войны печь из хыжи выбросили и построили такую же в сенях, но без «коша» и «цівки». Теперь печь топится по-черному, и дым выходит через отверстие в потолке

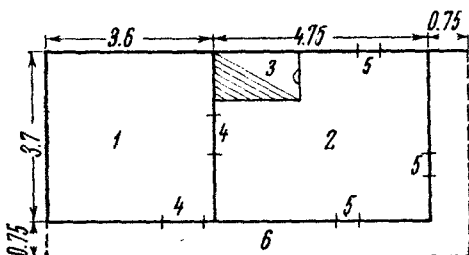
Фиг. 1. План хыжи гр. С. (с. Худльово): 1 — кухня (сени), 2 — хыжа, 3 — комора, 4 — печь, 5 — железная печь, 6 — двери, 7 — окна, 8 — ганок

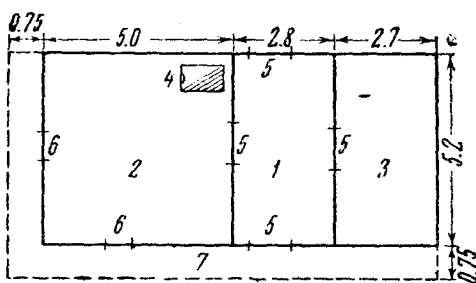
Фиг. 2. План хыжи гр. О. (с. В.-Солотвино): 1 — кухня (сени), 2 — хыжа, 3 — комора, 4 — печь, 5 — двери, 6 — окна, 7 — ганок

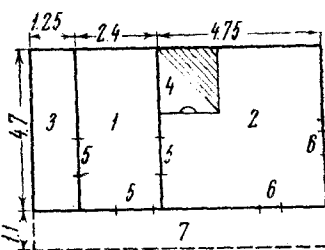
Фиг. 3. План хыжи гр. П. (с. Линцы): 1 — сени (кухня), 2 — хата, 3 — печь курная, 4 — место, где раньше стояла печь, 5 — двери, 6 — окна, 7 — ганок, 8 — павес

Фиг. 4. План хыжи гр. Ф. (с. Кобеляры): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — печь, 4 — двери, 5 — окна, 6 — ганок

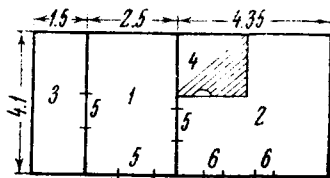
Фиг. 5. План хыжи гр. Г. (с. Бобовиче): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — комора, 4 — печь железная, 5 — двери, 6 — окна, 7 — турнац

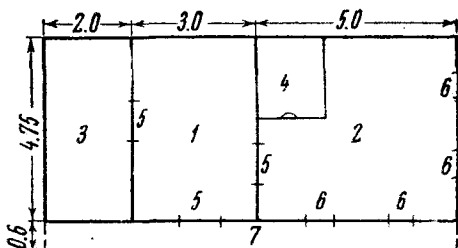
Фиг. 6. План хыжи гр. Б. (с. Дубове): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — комора, 4 — печь, 5 — двери, 6 — окна, 7 — «півварь»

Рис. 3. Планы жилищ в селах Закарпатской области.

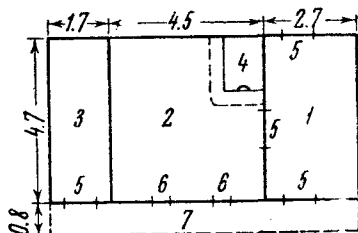
размером 120 × 150 см (рис. 3, фиг. 2). В селе Линцы хыжа гр. П. построена в 1925 г. Стены из дубовых и буковых пластин уложены прямо на землю, снаружи и внутри обмазаны глиной и побелены. Пол земляной, потолок из досок, не обмазан. Крыша четырехскатная, покрытая «шинклями». Одновременно с хыжей была построена печь с кошом, но затем была выброшена, а в сенях построена простая курная печь из глины, свод которой сделан на деревянном каркасе. Помещение имеет только две камеры: сени и хыжу (рис. 3, фиг. 3). По рассказам стариков, хыжа гр. Ф. из села Кобеляры построена около 150 лет назад. О давности этой постройки свидетельствуют двери и потолок, доски для которых сделаны без пилы, одним топором, при помощи которого построена и вся хыжа. Во время ее постройки гвозди и железо вообще не употребляли. Стены деревянные, рубленные, обмазаны

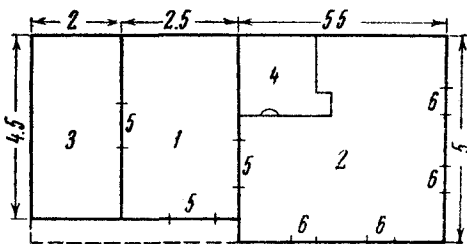
Фиг. 1. План хыжи гр. Ц. (с. Колочава): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — «кліть», 4 — печь, 5 — двери, 6 — окна

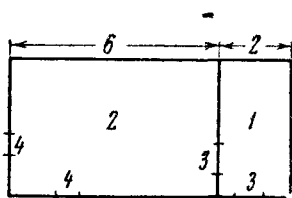
Фиг. 2. План хыжи гр. Р. (с. Кушница): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — «кліть», 4 — печь, 5 — двери, 6 — окна, 7 — турнац

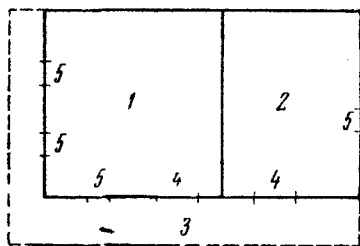
Фиг. 3. План хыжи гр. Д. (с. Пилипец): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — комора, 4 — печь с припечком и лежанкой, 5 — дверь, 6 — окна, 7 — «прісінок».

Фиг. 4. План хыжи гр. Г. (с. Керпни): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — «кліть», 4 — печь, 5 — двери, 6 — окна

Фиг. 5. План хыжи гр. В. (с. Данилово): 1 — сени, 2 — хыжа, 3 — двери, 4 — окна

Фиг. 6. План хыжи гр. А. (с. Крайниково): 1 — хыжа, 2 — малая хыжа, или кухня, 3 — турнац, 4 — двери, 5 — окна

Рис. 4. Планы жилищ в селах Закарпатской области.

глиной и побелены как снаружи, так и внутри. Стены уложены на землю, без фундамента. Пол земляной, потолок из досок, не обмазан. Крыша четырехскатная соломенная. Помещение имеет две камеры: сени и хыжу. Со стороны фронтона и фасада был ганок, сейчас осталась только крыша, которая является продолжением крыши хыжи. Печь в хыже с кошом. Дым отводится в сени, где свободно уходит на чердак и далее сквозь крышу (рис. 3, фиг. 4). Гражданин Г. из села Бобовище рассказывает, что его хыжа построена более 90 лет назад. Стены деревянные, рубленые, обмазанные глиной снаружи и внутри. Пол земляной, потолок досчатый, крыша соломенная, четырехскатная. Фундамента нет, нижнее звено стен лежит на земле. Постройка разделена на три «дупла»: хата + сени + комора (рис. 3, фиг. 5). Эта постройка интересна тем, что она имеет выход из сеней на обе стороны. Она по конструкции и по внешнему оформлению похожа, как две капли воды, на такие же постройки у восточных украинцев (Полтавщина, Киевщина и другие районы). В селе Дубове

гр. Б. свою хыжу построил 52 года назад. Стены, деревянные, рубленые, глиной обмазаны только внутри; снаружи обмазаны лишь пазы. Пол земляной, потолок из досок, крыша четырехскатная, покрыта дранницей. Все помещение разделено на три дупла: хыжа + «сени» + комора. Вдоль фасада — «півтарь» (ганок). В хыже поставлена глинобитная варистая печь (рис. 3, фиг. 6). По рассказам жителей с. Колочава, хыжа гр. Ц. очень старая, во всяком случае ей больше ста лет. Стены деревянные, рубленые, обмазанные только внутри. Пол земляной, потолок обмазан глиной, крыша четырехскатная, покрыта дранницей. Постройка имеет «клить» + хыжу + «сени». В хыже

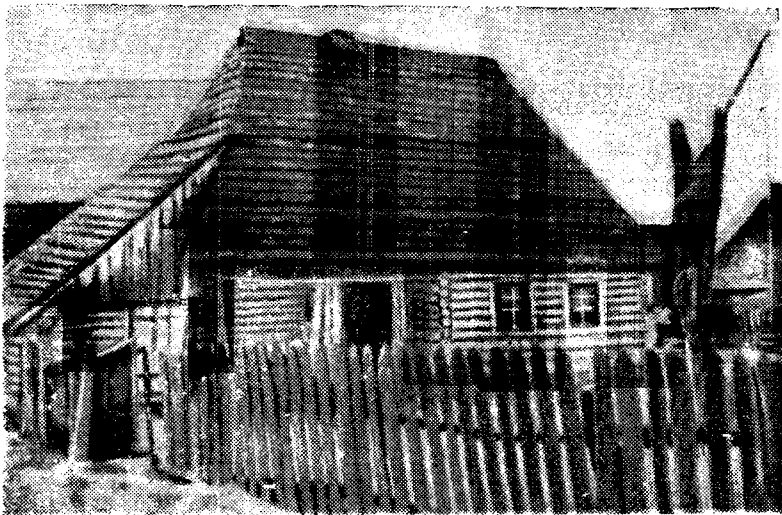

Рис. 5. Хыжа гр. Г. (с. Керецьки, Свалявского окр.)

установлена глинобитная печь, к ней на «припичку» пристроена плита (рис. 4, фиг. 1). Хыжа гр. Д. из села Пилипец построена более шестидесяти лет назад. Стены деревянные, рубленые. Внутри пазы обмазаны глиной и побелены мелом, а снаружи проконопачены мхом. Пол земляной, крыша соломенная, четырехскатная. Сооружение имеет три камеры: сени + хату + комору, причем последняя находится с левой стороны хыжи, а сени — с правой. Сени, по старинному украинскому обычаю, имеют выход на две стороны. В хыже стоит глинобитная печь с «кошом» и «цівкою» для отвода дыма в сени. Печь с довольно широким «припичком». Вдоль всего фасада — «присінок» (ганок) (рис. 4, фиг. 3).

На основании собранного в 68 селах материала можно сказать, что в большинстве случаев жилище сельского населения Закарпатской области относится к трехкамерному типу: хата + сени + комора (клить) (рис. 4, фиг. 2) или хата + сени + хата. Во многих местах за последние 10—20 лет в старых постройках сени стали приспособлять под кухню, а в новых — строить кухню вместо сеней. Трехкамерный тип в большинстве своем мало чем отличается от такого же восточно-украинского жилища, но вместе с тем в ряде сел этот тип имеет некоторые конструктивные особенности. Так, например, в селах Керецьки и Березне Свалявского округа основная жилая камера шире, чем сени и комора (см. рис. 4, фиг. 4 и рис. 5). Стены жилой камеры конструктивно не составляют единого целого со стенами сеней и коморы, хотя все три камеры и находятся под одной крышей. В селе Запередиля в некоторых постройках при одинаковой ширине всех

камер, стены также не составляют единого целого: они создают впечатление, что сначала построена жилая часть, а затем к ней последовательно пристраивались сени и комора. В некоторых случаях комора также выделяется, хотя она находится под общей крышей. В Хустском округе и в южных частях Тячевского и Раховского округов преобладает двухкамерное жилище, которое со всеми своими вариантами составляет около 80%. В других районах оно встречается реже. Это такой же деревянный сруб, обмазанный внутри и снаружи глиной и выбеленный, как указано выше. Пол в большинстве земляной, реже деревянный. Крыша четырехскатная, крытая соломой или «шинклямя»

Рис. 6. Хыжа гр. К. (с. Крайниково, Хустского окр.)

(рис. 6). Значительное число построек с фасада и фронтона имеет турнац (ганок), шириной до 1 м, крыша которого является продолжением крыши хыжи. Двухкамерное жилище имеет много различных вариантов в планировке, однако главное место занимают два из них. Первый состоит из сеней и хыжи, не имеет турнаца, часто без фундамента и создает впечатление недоконченного трехкамерного жилища (рис. 4, фиг. 5). Почти всегда такое жилище принадлежало либо бедняку, либо бобылю. Вторым более распространенным жилищем двухкамерного типа является постройка, окруженная турнацом с двух сторон (фасад и фронтон). Здесь вход в каждую камеру отдельный со стороны фасада (рис. 4, фиг. 6). Нередко можно встретить в юго-восточной части Закарпатья двухкамерные жилые постройки, напоминающие великорусскую и северноукраинскую «пятистенку».

В жилище населения Закарпатья имеется архаичный пережиток: почти повсеместно в селах нет дымоходов, отводящих дым из печи наверх крыши. Повсюду можно наблюдать, как дым густыми клубами валит сквозь щели крыши или через специальное боковое отверстие. Это потому, что жилища, за малым исключением, полукурные, дым из печи выведен в сени, в лучшем случае на чердак. Как из сеней, где отсутствует потолок, так и из чердака дым вольно выходит наружу. Нередко в горных селах встречаются и курные хыжи, в которых печи топят по-черному, дымоотвод отсутствует. Одно-два столетия назад такие печи преобладали повсюду в Закарпатье. В связи с этим приобретает интерес сама конструкция печи. Это глинобитное сооружение

в виде квадрата или прямоугольника размером $1,5 \times 1,5$ или $2 \times 1,8$ м при высоте от 50 до 75 см, на котором устроен свод печи. Глинобитная площадка установлена либо непосредственно на земле, либо на специально изготовленной деревянной раме, внутренняя часть которой за-

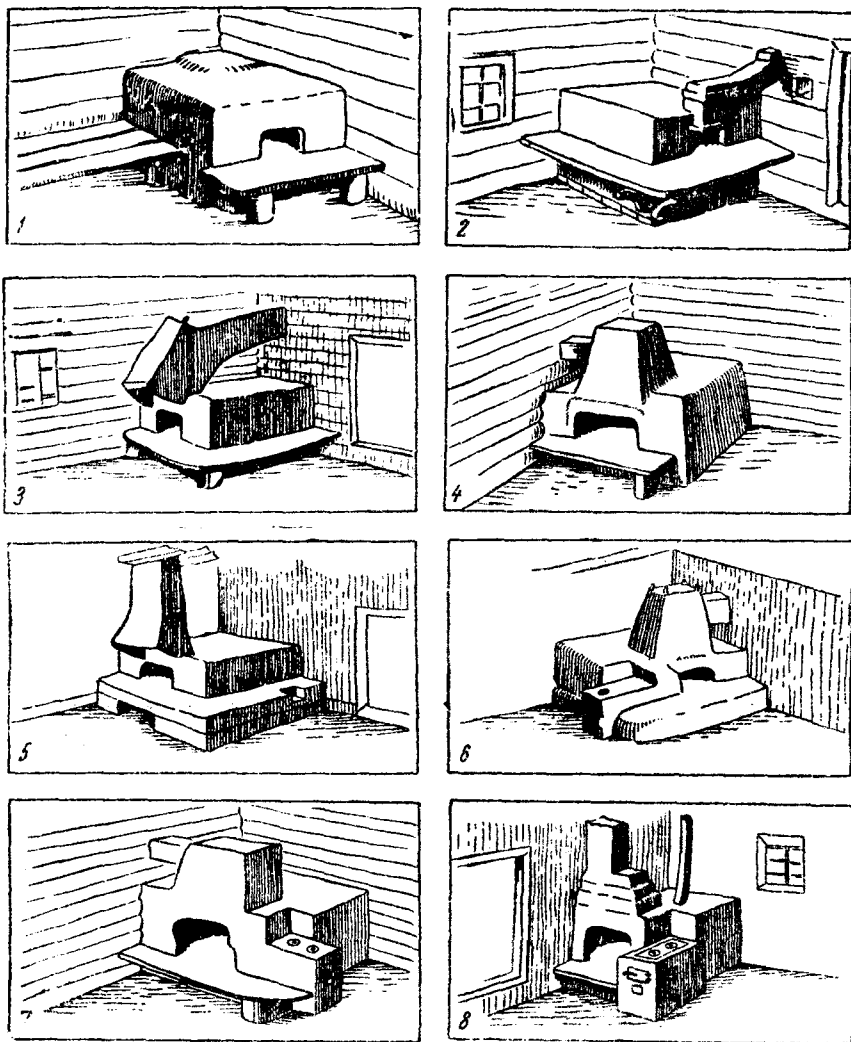

Рис. 7. Печи в украинских жилищах Закарпатья; 1—печь в хыже гр. К. (с. Люта); 2—печь в хыже гр. Л. (с. Люта); 3—печь в хыже гр. О. (Турья Поляна); 4—печь в хыже гр. Р. (с. Кушница); 5—печь в хыже гр. Г. (с. Порошково); 6—печь в хыже гр. Г. (с. Крайниково); 7—печь в хыже гр. Г. (с. Керетки); 8—печь в хыже гр. Ш. (с. Данилово)

сыпана землей. Свод печи сделан из глины: на основании печи — поду установлен деревянный куполообразный каркас. Последний обмазан толстым слоем глины. Снаружи куполу свода печи придают форму квадрата или прямоугольника, набивая в соответствующие места необходимое количество глины (рис. 7, фиг. 1). Когда вновь сооруженная печь просохнет, ее обжигают. Во время обжига деревянный каркас выгорает, глина получает необходимую твердость и держится весьма прочно. В полукурной хыже над устьем такой печи подвешен «кiш», сплетенный из хвороста и обмазанный глиной; он соединен с «цiвкой» такой же конструкции. «Кiш» и «цiвка» отводят дым в сени и реже непо-

средственно на чердак (см. рис. 7, фиг. 2—8). В некоторых горных селах, например в Н. Студеном, вместо деревянного каркаса кладут круглый, толстый, стесанный с одной стороны чурбан, который обкладывают глиной, плотно ее утрамбовывая. Когда глина утрамбована и внешне печи придана нужная форма, чурбан либо вынимают, либо поджигают, и он постепенно выгорает. Глина обжигается докрасна и получает хорошую твердость. Такая печь может стоять сотни лет. В одном случае вместо деревянного каркаса был положен мешок, набитый соломой. Последняя после набивки глины была сожжена.

Расположение жилых и хозяйственных построек на усадьбе и размеры последней зависят от рельефа местности в горах и количества земли в долине. В большинстве горных сел постройки разбросаны по склону горы вдоль горного потока, по одну его сторону или по обе, на довольно значительном расстоянии друг от друга. В таких же селах, как, например, Кушница, наблюдается большая скученность, ибо усадьба узкая, едва достигает 10—12 м ширины. На такой полоске постройки расположены по ее длине в глубь двора. Почти в каждом таком дворе две-три хыжи и несколько хозяйственных построек вытянуты в одну линию. На равнине чувствуется больший простор, однако у бедняков и здесь усадьба была очень мала из-за недостатка земли. На равнине можно наблюдать такое же разделение усадьбы на части, как и у восточных украинцев: двор с жилыми и хозяйственными постройками, клуня, ток («тік») и место для складывания сена («оборуг»), а затем сад и огород. Подобное расположение усадьбы можно наблюдать в селах Крайниково, Данилово, Салдобош, Сокрынице, Горинчево и ряде других.

Одежда закарпатских украинцев отличается необыкновенно большим разнообразием. Особенно это наблюдается в женском костюме. Предварительный анализ собранных материалов по женскому костюму позволяет наметить несколько районов, имеющих свой комплекс. В первый такой комплекс входят: ряд сел Тячевского округа на запад от линии Буштино — Теребля (включая эти села), весь Хустский округ, южная часть Воловского округа (начиная от Соймы), северная часть Иршавского округа (Довжанская долина) и крайние восточные села Свалявского округа (Керецьки и Березне)². Этот комплекс женского костюма наиболее архаичен и является автохтонным. Он выделяется среди других комплексов богатством различной орнаментации костюма, особенно вышивками, в то же время по покрою и способу ношения имеет единообразие (не считая незначительных вариантов в самом покрое женской сорочки). В первом комплексе единственная и главная одежда женщины — это длинная из домотканного полотна сорочка с широким рукавом, собранным у запястья. Поверх сорочки носят «плат» — фартук, подпоясывая и фартук, и сорочку шерстяным поясом. На голову надевают платок, концы которого завязаны сзади. В некоторых селах женский костюм (как более современное явление, больше у девушек) дополняется «лайбином» — безрукавкой из цветной шерстяной материи. Зимой носят «гуяю» или «петек» из сукна овечьей шерсти с длинным ворсом и «уйош» — из такого же, но гладкого и плотного сукна. По архаичности и простоте наибольший интерес представляет женский костюм в селах: Довге, Кушница, Бронька, Лисичево (Ир-

² Второй комплекс совпадает с территорией распространения центральной антропологической группы. Проф. Бунак, изучив собранные им краниологические материалы, пришел к выводу, что данная центральная антропологическая группа является автохтонной; См. автореферат доклада В. В. Бунака на сессии Института этнографии в феврале 1947 г. «Краткие сообщения Института этнографии», вып. 4 (в печати).

шавского округа), Керецки, Березне (Свалявского округа), Крайниково и Данилово (Хустского округа) (рис. 8). По свидетельству некоторых источников, еще в первом тысячелетии н. э. на территории описываемого нами района распространения первого комплекса женщины носили длинные сорочки, подвязанные узким поясом, и с длинными рукавами. На шее носили монисто, а на голове платок, концы которого завязывали сзади³. В наше время в указанных селах костюм женщины

Рис. 8. Женская одежда (с. Крайниково, Хустского окр.)

почти такой же, изменение состоит только в том, что добавился «плат» — фартук темного цвета, предохраняющий от загрязнения белую сорочку во время работы. В августе 1945 г. и в январе 1946 г. нами было сделано описание женского костюма в с. Керецки, Кушница, Довгом и др. (Иршавского округа), а летом 1946 г. в Крайниково и Данилово. Характеристика по каждому из этих сел почти дословно одинакова. Приведем здесь запись, сделанную в августе 1945 г. в с. Кушница: «Сорочка является постоянной и верхней и нижней (нательной) одеждой женщины. Поверх сорочки надевают «плат» — фартук и подпоясывают тесьмой от фартука или же специальным поясом из цветной шерсти... На голове платок с завязанными сзади концами, а у старух под подбородком. Летом все женщины ходят босиком, а зимой носят чоботы или постолы — «опанки». Вышивка на женских сорочках исключительно геометрическая (ромб), расцветка яркая, колоритная, но всегда подобранная с большим художественным вкусом. Часто можно встретить

³ Омелян Партицкий, Старинна Історія Галичини, т. I, Львів, 1894, стр. 96.

только одноцветную вышивку тех же фигур: красную, вишневую, синюю, голубую». Интересно, что в первом комплексе почти совсем отсутствует влияние соседних народов: венгров, румын, чехов и словаков.

Во второй комплекс входят: южная часть Раховского округа и Тячевский округ до линии Буштино — Теребля на западе. Этот район отличается прежде всего культурной взаимосвязью с соседними румынами, и здесь в женском костюме преобладает сорочка, которую сами украинцы называют «волоською». Однако в этом районе носят и другие сорочки, которые называют «руською» и «українською». Вместе с «руською» сорочкой носят «запаску» полтавского типа, а с «волоською» сорочкой — «сукню» — широкую, яркого цвета, в сборку, из покупного ситца юбку. Поверх юбки носят «плат» (платок) — фартук из покупного материала ярких цветов. Поверх сорочки надевают «кожушок» (или «бунда») — ярко вышитую безрукавку из овчины. Зимой носят «реклик» — жакет из фабричного сукна.

Третий комплекс включает в себя территорию Раховского округа на север от Рахова, включая последний. Этот комплекс женского и мужского костюмов идентичен костюму Коломыйщины, граничащей с севером.

Четвертый комплекс женского костюма охватывает северную часть Воловского округа, Воловецкий и В.-Березнянский округа. Здесь бытует короткая широкая сорочка с длинными рукавами, имеющая разрез спереди на левом боку, в том месте, где сшивается основное полотнище. Сорочка вокруг воротника имеет мелкую, ровно уложенную сборку. На воротнике, обшлагах и на верхней части рукава преобладает растительный орнамент, хотя встречается и геометрический. Поверх сорочки носят широкую, в сборку юбку из покупного ситца или полотна домашнего производства. В некоторых селах девушки носят «камизельку» — безрукавку или вязанный из овечьей шерсти «сведер» (кофту). Поверх юбки носят «запиначку» (фартук) из темного покупного материала. В некоторых селах носят широкий пояс из цветной шерсти. Зимняя одежда состоит из «сірака» — куртки из сукна домашнего производства. Этот комплекс имеет много аналогий с одеждой его соседей с севера (Дрогобычская и Станиславская области).

Пятый комплекс охватывает территорию Перечинского и Свалявского округов (исключая с. Березне и Керецки), северную часть Ужгородского и Мукачевского округов, а также западную и юго-западную части Иршавского округа. Здесь костюм женщины состоит из короткой узкой сорочки с длинными широкими рукавами со сборкой сверху и у запястья. В том месте, где пришивается рукав, на плече, сорочка вышита (узкая полоска растительного орнамента в сочетании с геометрическим). Вышивка имеется также и на запястье. Поверх сорочки надевают «кабат» — широкую в сборку юбку из темного покупного материала. В Турянской долине сборки делают настолько тщательно, что они напоминают гофрировку. Поверх юбки носят «катран» — фартук, также темного цвета. Зимой носят «сведер» — вязанную кофту и «реклик» жакетку из серого домотканного сукна.

Шестой комплекс охватывает южную часть Ужгородского и Мукачевского округов, а также Береговский и Виноградовский (Севлюшский) округа. Почти тысячелетнее пребывание украинского населения этого района в соседстве с венграми и под властью последних наложило отпечаток на материальную культуру тех и других. Венгры восприняли очень многое в области земледелия, до терминологии включительно, тогда как украинцы восприняли кое-что другое, в частности, многие элементы в костюме. Это показали наблюдения, сделанные в 1947 г. в селах по линии — Ужгород — Мукачево.

Головной убор женщин во всех комплексах состоит из белого или цветного платка, концы которого подвязывают под подбородком только

пожилые, а все остальные повязывают концами назад. В ряде сел у пожилых женщин имеется чепец черного либо белого цвета, обязательно вышитый растительным орнаментом. Обувь повсюду однообразна и зависит от состояния. Обычно женщины носили «чижмы» — «чоботи» (сапоги) на высоком подборе с жесткими тисненными или выстроченными голенищами. Теперь чаще носят «бокончи» — фабричные ботинки и «топанки» — туфли. Для работы применяются постолы — «опанки».

Мужской костюм меньше варьирует и носит более общие черты, хотя в частности имеются в ряде случаев некоторые особенности.

Рис. 9. Летняя мужская рабочая одежда; сорочка «гаті», «черес» и «капелюх» (с. Крайниково, Хустского окр.)

В основном костюм состоит из полотняной сорочки и таких же брюк, имеющих различный покрой. Например, сорочка из домотканного полотна в с. Кушница Иршавского округа отличается от сорочки такого же качества в с. Крайниково, Данилово, Сокрынице и Салдобоше, Хустского округа, или от сорочки в селах долины реки Тересвы, Тячевского округа. Брюки также имеют различный покрой. В Хустском, Раховском и Тячевском округах носят «гаті» — брюки широкие, короткие, на очкуре, из белого домотканного полотна. По крою и ширине они напоминают восточнoукраинские «штани», только короче (рис. 9). В других районах носят «холошні» — длинные узкие брюки из домашнего полотна; однако здесь больше носят брюки из покупного материала, общеевропейского покроя. Зимой носят узкие длинные «холошні» из домотканного белого сукна. Холошні по крою и частично по способу

украшения, а также по качеству сукна домашнего приготовления весьма близки к холошням, бытующим в западной Галиции и в некоторых районах Хорватии, в частности в юго-восточной Истрии. В некоторых селах еще носят «черес» — широкий кожаный пояс (см. рис. 9), который надевают поверх сорочки или под нее. Черес очень удобен для тяжелой физической работы. В большинстве сел мужчины носят «лайбик» — жилет из темного, чаще фабричного, материала. Зимой носят «уйош» («срак») — короткую куртку из белого или серого сукна домашнего приготовления, а в некоторых селах — «гуню». В селах долины больше носят городской, т. е. общеевропейский костюм. Головным убором повсеместно является шляпа из грубого фетра, а зимой в некоторых горных селах — баранья шапка. На ноги надевают сапоги или ботинки. Для работы употребляют «опанки» из кожи домашней выделки.

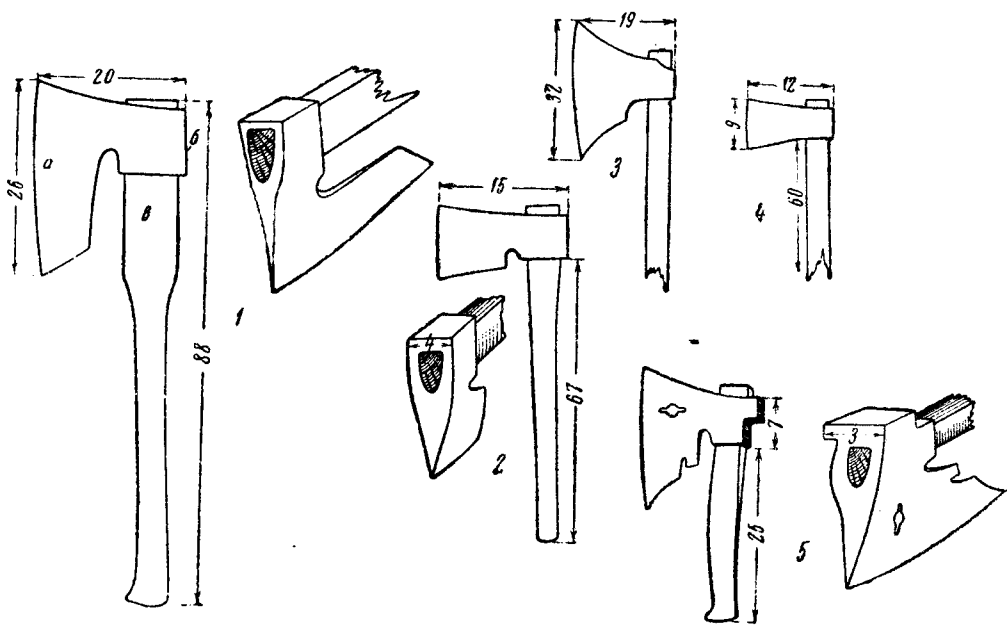

Рис. 10. Формы топоров различного назначения: 1 — «планкач», для отески бревен: а — полотно, б — обух, в — топорище (Крайниково); 2 — «сокира», для колки дров (Крайниково); 3 — «барда», для плотничных работ (В. Бочково); 4 — «балта» для рубки дров (Порошково); 5 — «побивач» для прибивки драгицы на крыше (Крайниково)

Обращает внимание этнографа и историка разнообразие в терминологии, связанной с женским и мужским костюмом и его отдельными частями, которая выше частично приводилась. Еще большее разнообразие имеется в названиях орудий производства, утвари, внутренней обстановки жилища, в названиях жилища и его частей и т. д. В этом сильно сказываются культурные взаимосвязи с соседями — румынами, венграми, словаками и др. Например, «топор» у великороссов не имеет другого названия, у украинцев называется «сокира» (от древнеславянского «съкира»). У тех и других название не зависит от размера, формы и назначения топора. В Закарпатье же мы встретили такие термины: «планкач», «плинкач» — топор для отески бревен; «сокира» и «топёр» — для рубки дров; «побивач», «фейса», «балта», «бардо», «фарагу» и т. д. — топоры более специального назначения (рис. 10). Планкач, плинкач, топёр, сокира и побивач — это славянские термины. Балта — турецкое слово и употребляется сербами (балта), болгарами (балтия), словаками (balta) и венграми (balta). Термин бардо употребляется венграми (bard) и румынами (bardă), а фейса употребляет-

ся только венграми (féjsze). Фарагу — венгерское слово, очевидно, производное от слова тесать, обтесывать. Подобного рода примеры можно привести в неограниченном количестве, но и этого достаточно, чтобы показать, насколько тесно различные культурные традиции переплетаются в Закарпатской области и тем самым создают довольно сложные условия для изучения этого района.

* * *

Духовная культура населения Закарпатской области представляет еще больший интерес. Здесь, как в музее, созданном самой историей, законсервированы и сохранились различные социально-бытовые пережитки, уходящие в глубокую древность, например пережитки патронимии, древние похоронные игры, архаичные рождественские и свадебные обряды, давно забытые у других восточных славян. Изучение таких пережитков позволит восполнить пробелы в исследовании истории развития культуры восточных славян в более ранний период.

В общественном строе населения Закарпатской области весьма интересны пережитки патронимии. Собранные в Хустском округе в 1946 г. материалы показывают, что в селах Закарпатской области сохранились и до сего времени бытуют кровно родственные группы, которые можно назвать патронимиями⁴. Каждая такая группа насчитывает до 100 и более дворов (семейств). Хозяйство каждой семьи номинально обособлено, но фактически зависит от всей группы родственников. Внутри такой группы широко развит коллективизм в работе. Из дополнительных материалов, собранных в 1947 г., видим, что в селе Ляховцы Ужгородского округа каждая группа родственников все работы проводила коллективно: пахала, сеяла, убирала, строила хыжи и т. д. Каждый член группы имел в собственности землю, скот, двор, постройки и пр., однако каждый в отдельности полностью зависел от всего коллектива. Если кто-либо думал продавать землю, он должен был продать ее только членам своей родственной группы. Землю старались удержать в пределах группы. Раньше в большинстве случаев землю не продавали, а просто передавали своим однофамильным родственникам, и те делили ее между собой (см. сообщение Любо Андреев 80 лет)⁵. В селе Балашовцы Мукачевского округа имеется 16 дворов (семей) с одной и той же фамилией Олашин. Это самые старые жители села. Они пользуются влиянием на общих сходках в селе. Все Олашины являются кровными родственниками по отцу. По рассказам стариков, земля у Олашиных была в общем пользовании, потом ее разделили и она стала личной собственностью каждого; однако никто не имел права продать свой участок не Олашиным. Все хозяйственные трудоемкие работы выполняются коллективно, группой: перевозка леса и камня для хыжи, постройка и обмазка хыжи, пахота, прополка и уборка зерновых и пропашных культур, покос сена и т. д. За последнее время коллективная работа приняла форму отработки (см. сообщение Андреев Олашина 67 лет и Ивана Симочко 32 лет)⁶. В селе В. Криве Тячевского округа первыми поселились Штефан и Андрей Зызынь. Это были два брата, от них и произошли все Зызыни, которых теперь насчитывается более 50 дворов. «В хозяйстве мы друг другу помогаем, — говорит Юрий Зызынь, — хотя земля поделена каждому. Продавать землю можно было только своим»⁷. Дялоги (в селе Калины Тячевского округа), которых насчитывается около 70 дво-

⁴ См. мою статью «Пережитки патронимий и брачные отношения у украинцев Закарпатской области», «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 83.

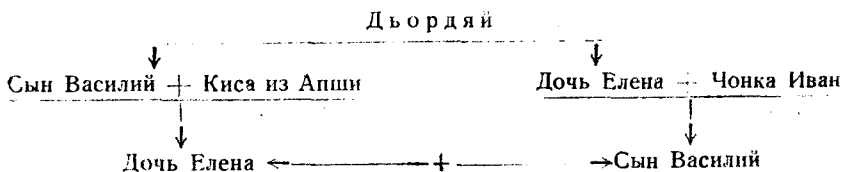
⁵ Материалы экспедиции 1947 г., Полевой журнал Симоненко, № 3, запись № 40.

⁶ Материалы экспедиции, Полевой журнал Симоненко, № 6, запись № 86.

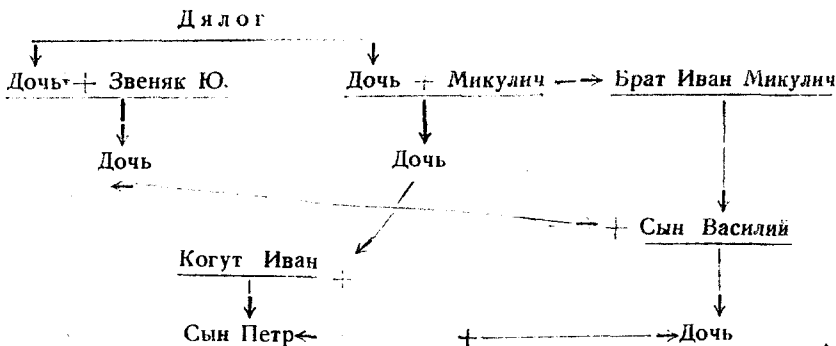
⁷ Там же, Полевой журнал № 7, запись № 116.

ров,— кровные родственники, происходящие от одного предка. Они друг другу помогают в работе. «Когда мне нужно было поставить хлев,— заявил Иван Дялог, 63 лет,— собрались ко мне все Дялоги, в течение одного дня привезли лес, распилили и построили хлев. Так делалось и в других работах. Земля была поделена каждому, но продавать землю без разрешения всех Дялогов не могли, особенно отцовскую и дедовскую»⁸. В с. Вульховцы Тячевского округа земля по наследству переходила от дедов и прадедов и по мере увеличения количества дворов разделялась между членами родственной группы. Продавать эту землю за пределы родственной группы не разрешалось. Продавать землю по частям также не разрешалось, ибо «коли я, Шваб, мав 5 дарабів і продав один, тоді переходила вся земля ид тому, тко купив той дараб»⁹.

Материалы, собранные экспедицией 1947 г. в Ужгородском, Мукачевском, Воловском и Тячевском округах, в совокупности с материалами, собранными в 1946 г. в Хустском и Перечинском округах, позволяют проследить и описать тот патриархально-родовой строй, который еще не так давно существовал на территории Закарпатья и пережитки которого наблюдаются и в наше время в виде обломков описанных выше родственных групп. Интерес представляют материалы, характеризующие брачные отношения как внутри описанных родственных групп, так и между ними. Браки внутри любого колена родства запрещались; не так давно стали их допускать только после седьмого колена родства. Обычно существовал порядок, при котором девушек отдавали замуж в одну группу, а жен брали себе в другой. В такой круг вовлекалось несколько родственных групп. Экономически более сильные члены патрионимии в последнее время (два-три года назад), чтобы не разделять хозяйство и землю, в некоторых селах допускали такие браки, какие народной традицией прежде запрещались. Нами зафиксировано несколько таких случаев; например, в селе Вульховцы Тячевского округа поженились двоюродные брат и сестра. Генеалогия этого брака такова:

Один из Дялогов в селе Калины Тячевского округа, чтобы сохранить землю и имущество в пределах одной семьи, допустил брак в третьем колене родства:

⁸ Там же, Полевой журнал № 9, запись 142.

⁹ Там же, Полевой журнал № 12, запись 195.

В большинстве других сел браки близких родственников не допускаются; например в родственной группе Олашиных из села Балашовцы Мукачевского округа браки не допускаются даже после двадцатого колена родства.

Дальнейшее исследование брачных отношений в Закарпатье является настоятельной задачей.

Среди сельского населения, особенно в горных районах, еще сильны верования в сверхъестественные силы и сохраняются обряды, связанные с этими верованиями. В селах верят в загробную жизнь, в то, что душа умершего часто возвращается к оставшимся в живых и, если о ней забывают, может причинить много зла. Душа умершего возвращается домой в первую же ночь после похорон. Чтобы узнать, пришла ли душа и чистая ли она или нечистая, берут сито, переворачивают его обратной стороной и сеют муку на стол. Эту муку оставляют на ночь на столе и утром учиняют осмотр. Если имеются следы мышей, считают, что душа не чистая, а если следы птицы — чистая; когда же нет никаких следов, душа не приходила. В первую же ночь после похорон на окне оставляют молоко и воду, чтобы возвратившаяся домой душа могла поесть и попить. Однако возвращение души не всегда желательно, ибо оно предсказывает несчастье в доме: смерть или ущерб в хозяйстве. Во избежание могущих быть несчастий прибегают к заговорам, заклинаниям и пр. Чтобы предотвратить возвращение души, при похоронах покойнику кладут в руку деньги, «аби не вертав, а нич не забував, аби купив на небі місто»; вместе с деньгами кладут и бутылку водки (село Ляховцы). Умерших не надо забывать, о них надо помнить, и тогда они не причиняют зла. Ежегодно на «св. вечер», прежде чем приступить к ужину, берут от каждого блюда (готовится минимум 3, может быть и 6, но предпочитают 9 блюд) по кусочку, кладут на тарелку и ставят на окно, «се для померших», так как они «прийдуть та будуть коштовати» (Н. Студене, Запередилля, Вульховцы и др.). К нечистым душам относится «упирь» — душа утопленника. Упырь может неожиданно появиться в любом виде, напугать и причинить зло. По словам Юрия Гецко (Кушница), однажды его дед остался ночевать недалеко от реки в пустынном месте. С дедом ночевали его мать и жена. Ночью к ним подбежал огромного роста белый конь и дохнул на них огнем. Первой проснулась от огня жена и стала будить мать, но конь быстро убежал, и было слышно, как зашумела вода. Когда об этом узнал дед и рассказал другим, все были уверены, что был упырь в облике коня и хотел спалить спящих огнем.

Наиболее зловредной является «босорканя». Чтобы оградить себя от вреда, причиняемого этой нечистой душой, когда умрет босорканя, кладут ей олово в рот и сеют мак от хыжи до могилы, «аби не прийшла дому поки не визбіра» (Негровцы). Босорканя — ведьма, она еще при жизни причиняет много зла, отбирает молоко у коров. Босорканя, как и души умерших, действует только ночью, до петухов. Она летает на метле, превращается в огонь, кошку и т. п. (Кушница, Керяки, Березне, Крайниково, Негровцы и др.). Чтобы избавиться от воздействия нечистой силы, утром рано на Благовещение «от хижі тянуть хворостину, аби відтянути всяку нечисту силу від себе» (Негровцы). На Благовещение нельзя уходить из дому и нельзя давать из хаты что бы то ни было (Лозянське, Волове). Чтобы нечистые силы не причинили вреда овцам, последних перегоняют через воду. Делают это рано утром на Благовещение, тогда овцы «будуть здорові все літо» (Н. Студеное). В Негровцах строго следят за тем, чтобы на весеннего Юрия утром рано босорканя не клала соль на перепутье, где проходит на пастбище скот, ибо тогда «молоко од усіх коров буде у неї». Утром рано на Иван-день босорканя идет в поле и голая катается по росе, «аби все

молоко било у еї коров» (Негровцы). Кроме босоркани зло может причинить «вовкулак» — человек, который в определенное время (днем или ночью) превращается в волка и причиняет зло даже своим родным, детям и т. п. (Кушница, Керецки, Негровцы, Березне и др.). Антагонистом упырю, босоркане и вовкулаку считается «примітник» — лицо, имеющее общение со сверхестественными силами. Он производит заклинания, ворожит и своими действиями ограждает людей от нечистой силы — босоркани, упыря, вовкулака. Примітник совершает одному ему известные молитвы и заклинания. Они теряют свою магическую силу, если станут известны другим. Свои знания примітник передает только особо доверенному лицу и лишь перед своей смертью. По утверждению жителей, такие примітники среди старых людей имеются и сейчас в с. Кушница, Керецки, Данилово, Негровцы и др.

Наряду с указанными выше верованиями среди сельского населения сохранились не менее архаичные обряды. Во многих селах на первый или второй день пасхи парни обливают водой девушек (Калины, Вульховцы, Н. Студене, Новоселицы, Негровцы, Запередиля, Кушница, Лисичево, Суха Бронька). Если какая-либо из девушек остается «не поливана, то ту хлопці не уважають, а то велика ганьба». В некоторых селах такое же обливание делают на весеннего Юрия (Буштино, Теремля, Угля).

Наиболее ценными для этнографов являются обряды рождественского и новогоднего цикла. Приготовления к рождественским и новогодним праздникам начинаются задолго до их наступления. Еще за неделю до рождества (накануне Игнатия и на Игнатия) режут свиней (Угля, Вульховцы, Негровцы и др.). В связи с этим существует поговорка: «Браття, завтра Игнатя. Тко має свині, най ріже нині». Если свинью зарезать в другое время, мясо испортится. Свиную голову оставляют целой, варят на новый год, «аби ся вело на весь рік» (Угля, Негровцы, Кушница), или же хранят «до великого пущеня», т. е. до дня «заговін» перед началом великого поста, чтобы все видели, что «голову ззіли, та бульше нильзя» (Вульховцы). За несколько дней до рождества, на Андрея, проводят разнообразные гадания и заклинания, чтобы узнать, кто будет жить в наступающем году, а кто умрет. Гадают и о том, выйдет ли замуж в наступающем году какая-либо девушка на выданьи. Среди многих гаданий имеется и такое: в ночь на Андрея девушка отправляется в поле на посевы ржи и голая катается по земле («купається»), приговаривая: «се се жито не пшениця, то я перва відданиця» (Вульховцы).

В полночь в трубу произносят такое заклинание:

До Василя сватачі.
По Василю брехачі.
Ош ты не є на Василя,
Най ты побье божя сила.

Подобного характера гадания проводят и под новый год.

«Св. вечер» и новый год являются сосредоточием всей рождественской и новогодней обрядности. На «Св. вечер» постятся, днем готовят 9 «страв» — блюд, причем все постные, пекут хлеб, различные хлебные изделия, в том числе и обрядовый «керечун». Когда все готово и наступил вечер, хозяин вносит отаву (Вульховцы, Кушница, Калины, Буштино, Теремля, Угля, Крайниково и др.) или сноп овса (Н. Студене, Колочава, Запередиля), кладет на стол, покрывает скатертью и сверху кладет «керечун», затем обвязывает стол цепью и запирает на замок. Вместе с «керечуном» на стол кладут все приготовленные 9 страв. После

этого хозяин берет «горня», кладет уголь и ладан и производит окуривание стола, под столом, в хыже, а затем в постройках для скота (Вульховцы, Н. Студене). Когда окуривание закончено, семья садится за стол ужинать. Прежде чем приступить к еде, хозяин или хозяйка берут по кусочку от каждого из приготовленных 9 блюд, кладут на тарелку и ставят на окно, «бо прийдуть померші і будуть коштовати» (Запериц, Н. Студене, Вульховцы). Или же берут бобы из приготовленных кушаний и бросают в стену, «аби корови тилиці телили, а стрижки — ягниці» (Колочава). В некоторых местах в это время открывают «ви-зір» — окно и бросают в окно на улицу по кусочку от каждой из 9 трав, приговаривая: «это воробьям, это червям, это мышам» и т. д. (Кушница). Делается это для того, чтобы разные вредители были сыты в течение всего года и не вредили ни в поле, ни в доме. В некоторых селах производится еще одно действие: берут кочергу и гребут ею под лавками, «аби мѳг найти гриби», когда придет время их собирать. Когда все перечисленные приготовления окончены, начинают ужинать. После ужина и до глубокой ночи ходят колядники, распевая вместе с религиозными свадебные и другие не религиозные колядки. На «Св. вечер» «керечун» не едят, он лежит до нового года. Утром рано на новый год, одевшись во все чистое и белое, хозяин берет «керечун» идет с ним на реку, три раза обмывает, вытирает полотенцем и идет домой (Колочава, Запериц). Войдя в хыжу, катает «керечун» от стола до порога столько раз, сколько человек живет в данной хыже; докатится — будет жить, не докатится — умрет в новом году (Колочава). Затем идут в хлев и ведут в хыжу овцу (Н. Студене, Запериц) или барана-производителя (Белки), берут «керечун», срезают верхушку с запеченными семенами и прячут, затем отрезают по кусочку с трех сторон и понемногу от каждого кусочка дают овце или барану. Вместе с «керечуном» также дают отаву (или часть овсяного снопа). Остатки отрезанных кусочков делят поровну и раздают всему рогатому скоту и овцам, оставшимся в хлеву. Вместе с кусками «керечуна» отдают и отаву (или овсяный сноп). В селах Калины, Теребля, Буштино, Угля и других «керечун» не моют и овец в хыжу не берут; здесь утром рано отрезают от «керечуна» верхушку с трех сторон, несут в хлев скоту, которому также отдают и отаву из-под «керечуна». По окончании всех описанных действий оставшийся «керечун» разрезают на части и едят. В некоторых селах, начиная со «Св. вечера» и до нового года, сор из хыжи не выбрасывают, а на новый год до восхода солнца выносят в сад под деревья и сжигают, «аби садовина родила» (Буштино).

В народной традиции украинского населения Закарпатья после рождественского цикла обрядов большое место занимает семейная обрядовость, связанная со свадьбой и похоронами. Во время работы экспедиции мной было сделано подробное описание свадебного обряда в 23 селах¹⁰. В Закарпатье имеются два типа свадебного обряда. В ряде сел (Теребля, Лозянске, Волове и др.) свадебный бытовой обряд отделен во времени от венчания в церкви. Церковное венчание происходит за неделю до свадьбы, рано утром, чтобы мало кто видел. Присутствуют мать молодой и реже дружки или кум. После венчания молодые расходятся по домам. Молодые, уже повенчавшиеся в церкви, не имеют права на супружеское сожителство,— для этого требуется выполнение

¹⁰ Один из вариантов опубликован в моей статье «Свадебные обряды в Закарпатской области», «Сов. этнография», 1946, № 4.

свадебного обряда, созданного народной традицией, а не церковью. При втором типе свадебного обряда венчание в церкви является центральным пунктом, а народные традиционные элементы обряда выполняются до и после венчания. Второй тип свадебного обряда имеет много вариантов.

Большинство ритуалов свадебного обряда, кроме церковного, имеют весьма древнее, дохристианское происхождение. Наиболее древним можно считать первый тип свадебного обряда, ибо здесь христианское религиозное влияние почти не отразилось на порядке его выполнения и сам церковный обряд отделен от народного. Более поздним является вариант второго типа, в котором религиозный ритуал венчания занял место среди других, но не является главным, ибо молодые порознь идут к церкви и порознь уходят домой после венчания, а последнее еще не дает права на супружеское сожитие. Наконец, еще более поздним является второй тип свадебного обряда, в котором церковное венчание заняло центральное место, вытеснив древние элементы народного обряда.

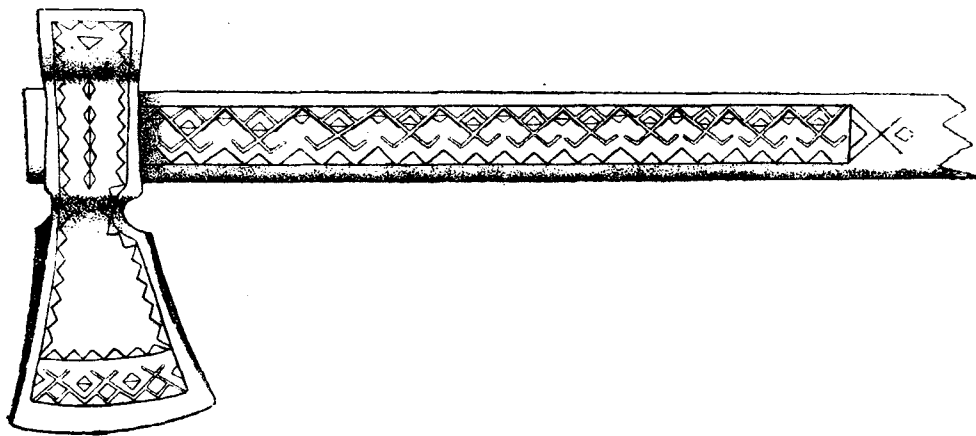

Рис. 11. Деревянный ритуальный свадебный топор. Длина ручки бывает от 90 до 120 см.

Уже сейчас на основании собранного материала можно сказать, что свадебный обряд в Закарпатской области сохранил значительно больше архаизмов, чем тот же обряд у других групп восточных славян — украинцев и русских.

Не меньший интерес представляют обряды, связанные с похоронами. В ряде горных сел сохранился обычай хоронить покойника в любое время года на саях, тогда как у всех восточных славян этот обычай давно забыт и известен только по летописям. Самой главной особенностью похоронных обрядов являются различного рода игры, «аби ся люди не смутили». Действительное значение игр, устраиваемых при похоронах, давно позабыто, на протяжении веков несколько раз переосмыслено, и объяснение, «чтобы люди не горевали», является современным, иногда ничего общего не имеющим с содержанием игры. Просматривая около 200 игр, записанных автором в 68 селах Закарпатской области, можно сказать, что часть игр напоминает древнейшие обряды, связанные с посвящением юноши, достигшего половой зрелости. Другую и (значительную) часть составляют любовные, эротические игры, также имеющие свое глубокое прошлое. Имеются и такие игры, которые высмеивают церковный обряд похорон, а также попов. Наконец, есть игры, напоминающие спортивные состязания в силе, сноровке, ловкости и т. п. Похо-

ронные игры называются «лопатки» (В. Солотвино, Чертыш, Кобеляры, Бобовище, Балашовцы, Залуж, Криве, Дубове, Буштино и др.), «опровідя» (Теребля), «забави» (Угря), «свічення» (Ростока, Новоселицы, Заперицця, Лозянське), «комашня» (Турья Поляна) и т. д.

Число игр весьма велико. В каждом селе или группе сел, кроме общих, имеются и свои собственные игры, не повторяемые в других местах. Число игр и их разнообразие зависят от умения исполнителей и руководителей придумывать все новые и новые или (чаще всего) переосмысливать старые на новый лад. Например, в селе Керець Свалявского округа большим знатоком и исполнителем более 50 пазличных

Рис. 12. Жених и невеста с дружками, держащими свадебный колач (с. Стеблівка, Хустского окр.)

игр является Андрей Грыга. Он же известен как лучший сказочник. В селе Люта таким знатоком является Михаил Лошак. Такие лица имеются в каждом селе. Игры устраивают вечером, после того как покойника обмоют. Играют всю ночь в том же помещении, где лежит умерший. Руководит лицо, знающее игры; участвуют в них мужчины и женщины, парни и девушки, даже дети и подростки. Широко распространены такие игры, как «провід» (или «опровід»), «сыатити церкву», «гусака печи», «коза», «лопатки», «шийка», «роги», «бурбиль», «качулки», «дідо і баба», «піп і чорт» (или ангел и чорт), «медвідь», «женились», «керть заложити», «коні гнати», «купля і продаж», «порохню дути», «ножа забивати», «на коневі ся нести», «обзирачка», «мачка», «снвалниця» и многие другие.

Игра «бурбиль» состоит в том, что наряжают одного «дідом», а другого усаживают на стул. «Дід» берет щепку, подходит к сидящему и делает манипуляции, напоминающие не то бритье, не то перерезывание горла. Сидящий падает. «Дід» берет ручник, скручивает жгут и бьет того, кто якобы его толкнул, а сам намеревается убежать. Но его «задерживают» и «ведут в тюрьму», а на упавшего «мертвого» льют воду. Тот вскакивает и убегает. Игра «провід» заключается в следующем. Собравшиеся назначают ведущего, затем выбирают парня и кладут на лавку в качестве «мертвеца». Вокруг становятся все присутствующие. Ведущий заставляет всех стать на колени и «молиться». Сам в это время «йойкат» — причитает, вернее, подражает причитанию, присказывая различные смешные вещи по адресу «умершего»; «йойкат» так «аби ся сміяли». В это время второй, наряженный попом, берет кадилу (ведро с углем), кладет в него гнилушку, подпаливает и кадит. Затем берут «мертвеца» и выносят из хаты. В сенях как бы нечаянно опрокидывают носилки и роняют на пол «мертвеца». В этот момент кто-либо из играющих обливает «мертвеца». Тот вскакивает и убегает. На этом игра заканчивается. Другой вариант этой же игры называется в с. Керецьки «коза» и выполняется так. Исполняющий главную роль начинает игру следующими словами, произнося их перед исполняющим роль «мертвеца»¹¹.

«Возлюбленні мої слухателі. Вислушайте ви мій глас. Я вас буду зберігати перед злими духами як у мляці мухи перед мухами. Господи мня прости грішного, та й мельника горішного, та оти два що рубали дрова, та оти три складуть у латри, та оти чотири що у них церкв з книшів, пирогами побита, ковбасні двері, яйцем замкнена. Прийшов йа ид тій церкві, ся уклонив на яйце, голову розбив. Зайду йа ид тїй церкві, а в тбй церкві такий понише ходить побіля престола. Їмив я попа за плече, з попа лише масть потече. Каже мені піп — „що треба хлопе?“ — „Пирога, пане отче!“ — „Иди до попаді, дала другим, дасть і тобі“. Прийшов йа до попаді, а попадя лежить пуд столом, прикрилась ковбаном. „Попаде, попаде! Ковбан пропаде!“. Чвирьк попададя поліно, чвирьк мене в коліно. Чвирьк йа деганю, бух попадаю в... Била у тої попаді така сильна що стало у ню сім возів хворосту, та й сильні рукавиці тай йа коло гузиці“

По окончании «проповеди» играющие берут «мертвеца» и выносят из хижы. В момент выноса «служуть опровідь». Главное действующее лицо произносит речь такого содержания: «ідіхом дівком Назариньку, і прияхом йій на постільку, і чинихом із нихом шо хотіхом, і набрав йій горі брюхом, і чале, чале, дасти пуласти¹² мастити батогом теплим по лиску, студеним по хребту». Когда «мертвеца» вынесли, игра заканчивается.

Заслуживает внимания игра «сътити церкву». Она высмеивает церковный обряд и некоторые бытовые черты сельской жизни. Такова же игра «корчмарь». Вернее было бы последнюю назвать кукольным представлением, так как она состоит из игры двух кукол, разыгрывающих сцену у корчмы и изображающих корчмаря и посетителя — русина (украинца). Игра производится так: посреди хаты ставят лавку, под нее ложится человек — «бавило», которого закрывают со всех сторон, чтобы не было видно. Этот человек держит две куклы по обе стороны лавки (скамьи), но выше нее. Между ними происходит такой диалог (говорит бавило, изменяя голос):

¹¹ Роль «мертвеца» почти никто не соглашается играть, потому что «він тоді скоро помре». Эту роль выполняет только тот, кто не верит, что он «скоро помре».

¹² Набор ничего не значащих слов.

Р у с и н. Дай паленки.
 К о р ч м а р ь. Давай наперед гроші.
 Р у с и н. Но, даю, давай паленку.
 К о р ч м а р ь (медлит, молчит).
 Р у с и н. Дайешь, ци ні.
 К о р ч м а р ь (молчит).
 Р у с и н снова спрашивает паленку и т. д.

Этот разговор длится до тех пор, пока русин, рассердившись, ударяет корчмаря, завязывается драка. Присутствующие подзадоривают дерущихся, поощряя то русина, то корчмаря.

Сказки в быту населения Закарпатья занимают значительное место. В числе записанных сказок преобладают волшебные, затем бытовые, юмористические и исторические. Все сюжеты отражают социальный строй, в котором бытовала сказка. Во многих записанных сказках подчеркиваются классовая дифференциация и своеобразные чаяния бедноты, низовых слоев населения; только в 2—3 сказках отсутствует социальное лицо главного героя. В основной своей массе волшебные закарпатские сказки имеют почти дословные и близкие сюжетные варианты среди сказок восточных славян. Однако они сохранили глубокий отпечаток местной социальной среды, местных условий. Иногда в сказке отражено влияние современной техники (самолет, телефон, авто и т. п.), но по стилю передачи сказителем и по своим художественным качествам сказка сохраняет стиль древности, не связана с влиянием книги, а базируется на устной традиции передачи, с постоянной художественной переделкой и обработкой, зависящей от вкуса и умения сказителя.

Записанный материал показал, что имеется довольно много сказок, особенно бытовых, исключительно местного характера. Борьба двух вероисповеданий (католического и православного) в течение веков была в центре внимания населения. На эту тему сложено не мало сказок. Национальное неравенство при господстве венгров, эксплуатация украинцев служителями культа — попами также нашла свое отражение в сказках. Особенно ярко это показано в сказке о двух братьях, служивших попами: один у венгров, а второй у русинов (украинцев). Эту сказку мы полностью приводим ниже.

„Був йєдин пѡп. Мав дву синѡв, та дав їйх до школи вчити назад за попа. Вѡни ся там учили. Йєдин учив ся добрі. А вѡн (пѡп) все доходив до гимназії шѡоби дѡзнати. Йѡму кажуть — „йєдин добрі вчить ся, другий тупіше“. Вѡни ўчили ся далі. „Ўже ѡдин будет пѡп, а другий хіба біров“, кажуть гимназисти, „айбо принесли би файний пѡдарунок, то ї тѡй був би пѡп“. — „Та будеме пѡзырати“.

Кѡли уже кінчили, зарізав барана, сиру взяв. Кѡли гимназисти (начальство) то то увиділи, кажуть: йѡй, та ї то тѡт буде пѡп“. Посьятили. Дали глупого на Карпати, мудрого на Мадяри. Поженились, газдують, попуять. Коврий час пройде вѡни ся хѡтять видіти назад. З Карпат зѡбрав ся пѡшов на Мадьярю. Прийде. То там тѡй по паньські жийе: їѡні, вѡли, гуси, свині, 2 корови, служка. Каже, — „та ту ти не газда, мало майеш, то малое газдѡвство“.

А вѡн каже: „а чоловіче, їа ту негоден газдувати ничь, неможу народ омманути, туй ївсі розумні, та то шѡто мні придано, тим газдују“.

„Чекай, каже, прийдеши ти до мене, увидиши газдѡвство“.

Так ся убрав, пѡшов домів. Той назад зѡбрав ся, на Карпати пѡшов. Увидів: пѡвно у коморях ѡвса, з 30 кѡней, 150 ѡвець, корови, воли ї иньше“.

„Та то, каже, ти гроф, ти богач“.

„Ну пѡйдеме ид церкві, та поникайем шѡто мні принесли“.

Став тѡй на службу, а тѡй сидить. Слухав службу, а лѡуди не знали ош то брат. Кінчили службу, та каже: „дочитались ми з цімбаром ош буде град великий. Будете їти до пѡзьньоїї службѡй, несіть жмѡток трави, ми пѡсьвѡятиме, а по възможности гроші. Їак пѡсьвѡятиме, аби то кѡждий то ту траву зїїв“». Ушли дому.

Пѡзират мадьяр, кожен несе траву. Принесли, наклали велику кучу. Тѡді стали вѡни двоє і пѡсьятили траву, а їмили ся бити на тѡй траві, бо кожен хтїв їмити бѡльше, каже — „їа бѡльшой жмит принюс“. Та вшитѡко пѡїшли то ту траву. А вѡн вшиткі зѡбрав гроші. Лѡудишче били ся по тѡй траві, кожен гѡворив — „бо їа вече принюс“.

Мадьяр каже — „но та ти чередак, а то тѡїа марга. На Мадьярах їа нїгди не тоден того зрѡбити, бо не мѡг би попувати“.

В связи с изучением сказки небезынтересны и сами сказители. Назовем из них Андрея Грыгу из села Керецьки Свалявского округа, 52 лет, и Андрея Калина из села Горинчево Хустского округа, 39 лет. Как тот, так и другой широко известны в округе. Их называют лучшими сказителями, лучшими знатоками сказок, особенно волшебных. Грыга известен также, как лучший знаток и исполнитель «фиглей» — различных игр, особенно похоронных. Он хорошо играет на «піщалке» — свирели и знает много песен. Его репертуар, кроме похоронных игр, достигает 150 сказок, а также огромного количества песен-коломыек.

Богат и разнообразен фольклор в Закарпатье. Достаточно сказать, что в 1946 г. только за два месяца работы экспедицией Института записано более 5000 песен, коломыек и баллад. Обширный, собранный материал ждет своего исследователя. Здесь мы только отметим, что песни, коломыйки и баллады отображают историческое прошлое населения Закарпатья, его быт и культуру прежде и теперь. Имеется много песен и лирического содержания. Совершенно новым для Закарпатья является фольклор о борьбе Красной Армии за освобождение Закарпатья от фашистского ига, о воссоединении с Украинской ССР, о борьбе партизан с немецкими поработителями и т. д. В селе Завидово, Мукачевского округа так воспевают воссоединение:

Любив я Росцію,
Так ги своїх братів,
Що нас ослободили
З фашиських ярмів.
Бо то ти фашисти,
То наші вороги,
Хтіли нами орати
Всі наші гори.
Ці наші гори,
То суть хороші,
Будемо з них жити
Всі товариші.
Всі товариші,
Робочій народ.

Бись мы дочекали
Хороший живот.
Хороший живот,
Свою слободу,
Не маємо знати
Більше за біду.
Ай не за біду,
Ай не за війну,
Никто не переб'є
Нашу дружину.
Наша дружина
То йедна рука,
Будемо сяк жити,
Од нині і до віка.

(Записано от Ковтубей Ферко 3 мая 1947 г.)

Закукали зозулиці
В карпатській долині.
Приключив нас Сталін батько
Ид своїй Україні.
Ми ся йому радуємо,
Як мати дитині,
Бо ўзяв нас Сталін
Батько ид своїй родині.
Будемо ся радовати,
Од батька чекати,
Чи буде наш Сталін батько
Дачим даровати.

Бо нас треба даровати,
Нас спомогати,
Бо ми обстали з мадяронів
Цурові обобраті.
Не журіться ви реблята,
Ви мої дитята,
Не будуть мадярони
Вас оббирати.

(Записано от Ковтубей Ферко 3 мая 1947 г.)

Много новых песен посвящено товарищу Сталину: для этих песен использованы самые разнообразные мотивы. Весьма интересна песня, посвященная товарищу Сталину, на мотив старой церковной колядки. Ее сложили в 30-х годах в Воловском округе, и местные коммунисты,

ходя на рождество по хыжам, пели ее и собирали деньги на газету «Закарпатская правда». Эта песня записана нами 15 июля 1947 г. от коммуниста Василия Могорита, находившегося в те годы в подполье и принимавшего лично участие в этом своеобразном колядовании.

По всьому світу стала повина,
Коли добра мама Сталіна ўродила.
Коли мама Сталіна ўродила,
Звізда Красна, п'ятикутна
На увесь світ світила.
Та йак його породила,
Та красно зложила,
Та зелене сіно брала

Під него стелила.
Та йак йому постелила,
Та ид' ему співала:
«Люляй, люляй, синку, засни,
Бо й я бим уже спала».
«Ой, ти не спи, мамко,
Хоть йедну хвилину,
Доки я не збудую
Соціалістичну країну».

Таковы вкратце факты, характеризующие материальную и духовную культуру украинского населения Закарпатской области. Сохранению упомянутых выше архаических пережитков в этой области способствовали исторические условия. Почти целое тысячелетие население Закарпатья было угнетаемо венгерскими магнатами и их властями. Украинцы находились на положении бесправных крепостных рабов. Они веками не имели школ, не допускались к сельскому и городскому самоуправлению и т. д. Им не разрешалось поселяться в городах и работать на фабриках, заводах и транспорте на собственной территории. Их угнетало также и духовенство. Все это являлось своеобразным методом насильственной ассимиляции. Но население Закарпатья энергично сопротивлялось венгерской ассимиляции, сохраняя при этом как свою материальную культуру, так и глубокое сознание этнической принадлежности к восточным славянам, а вместе с тем и различные древнейшие восточнославянские традиции. Фиксация всего этого далеко еще не закончена; дальнейшая работа по изучению этнографии Закарпатья даст возможность сделать соответствующие обобщения и теоретические выводы. Однако по некоторым вопросам можно уже сейчас высказаться более определенно. Так например, изучение женской одежды показывает, что, несмотря на ее разнообразие (см. стр. 74—77), в своей основе она едина и в целом является частью восточноукраинского комплекса женского костюма. Особенно наглядно показывают это рассмотренные выше первый и третий комплексы. Подобные результаты получаем и при рассмотрении жилища закарпатских украинцев. Вместе с тем изучение закарпатского материала дает возможность показать беспочвенность различных буржуазно-националистических и профашистских концепций, как например: отрицание права на существование украинского языка и литературы в Закарпатье, отрицание исконного права украинского населения на занимаемую им территорию Закарпатья, отрицание принадлежности украинского населения к восточным славянам и, наконец, отрицание богатой культуры древнего периода славян Закарпатья. Все эти реакционные теории разоблачаются действительностью.

После воссоединения с УССР и создания органов Советской власти Закарпатье встало на путь социалистического преобразования и дальнейшего развития, что ведет к глубоким изменениям в быту, в материальной и духовной культуре населения. Поэтому изучение процесса коренной ломки старого архаичного быта и создания нового, социалистического, на базе высокой техники и культуры, является неотложной задачей, и начатая в 1947 г. работа должна быть широко развернута в ближайшее время.